

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ПРОЩАЛЬНОМ ОБРАЩЕНИИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

Работа представлена кафедрой английской филологии.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О. Е. Филимонова

В статье рассматриваются особенности реализации категории эмотивности в прощальном обращении президента США Рональда Рейгана, опираясь на понятия эмотивного микротекста, эмотивного вкрапления и эмотивной прагматической установки, разработанными О. Е. Филимоновой. Рассмотрев ключевые признаки речевых стратегий Рейгана, проводится анализ текста обращения, композиционно разбитого на интродуктивный блок, основную часть и заключительный блок. В результате анализа был сделан вывод о присутствии в прощальном обращении эмоцентрических и акциоцентрических микротекстов. Большое количество последних является характерной чертой индивидуального эмотивного стиля президента Рейгана.

Ключевые слова: *категория эмотивности, эмотивный микротекст, эмоцентрический микротекст, акциоцентрический микротекст, эмотивная прагматическая установка, прощальное обращение, президент Рейган.*

E. Biryukova

REPRESENTATION OF THE EMOTIVITY CATEGORY IN THE FAREWELL ADDRESS OF RONALD REAGAN

The article reveals characteristic features of the representation of the emotivity category in the farewell address of the US President Ronald Reagan. In the course of the analysis such terms as emotive microtext, emotive pragmatic purpose, formulated and described by O. E. Philimonova are used. Having mentioned the key points of Reagan's speaking strategies, the author analyses the farewell address, which is compositionally divided into three parts: the introductory part, the body of the address and the final part. The author comes to the conclusion that emocentric and actiocentric microtexts are present in the text of the address. A large number of actiocentric microtexts are characteristic of the individual emotive style of Reagan.

Key words: *category of emotivity, emotive microtext, emocentric mixrotext, actiocentric microtext, emotive pragmatic purpose, farewell address, President Reagan.*

Количество прощальных обращений президентов США, произнесенных с XVIII по XX в., значительно меньше числа инаугурационных обращений за этот же исторический промежуток времени. Так, в XVIII и XIX вв. было сделано 28 инаугурационных обращения, в XX в. – 27. Однако прощальных обращений президентов всего лишь пять. К ним относятся прощальные обращения президентов Джорджа Вашингтона, Эндрю Джексона, Дуайта Эйзен-

хауэра, Рональда Рейгана и Билла Клинтона. В данной статье анализируется обращение сорокового президента Америки Рональда Рейгана, завоевавшего во всем мире репутацию «великого мастера общения» (The Great Communicator) [5, p. 195].

Анализ данной речи проводится на основе понятийного аппарата, разработанного О. Е. Филимоновой. Ниже приводятся понятия, используемые в данной статье.

Эмотивные микротексты – это фрагменты текста, вычленимые из текста на тематической основе и отражающие какое-либо эмоциональное состояние или состояния. Эмотивные вкрапления – это краткий комментарий о чувствах и впечатлениях в структуре неэмотивных фрагментов текста [4, с. 161].

На основе антропоцентрической классификации выделяют следующие типы эмотивных микротекстов: 1) эмоцентрические, в которых в фокусе внимания находится непосредственное выражение чувств; 2) идеоцентрические, содержащие осмысление чувств; 3) акциоцентрические, повествующие о событиях, связанных с какими-то эмоциями. Кроме того, О. Е. Филимонова выделяет и описывает несколько типов смешанных микротекстов и подтипы эмотивных микротекстов.

К смешанным микротекстам относятся эмоидеоцентрические микротексты. К подтипам эмотивных микротекстов относятся акциоцентрический и агентивный микротексты. В акциоцентрическом микротексте эмоции могут эксплицитно не называться, но легко реконструируются из контекста нарратива. Одной из особенностей таких микротекстов является их большой объем, необходимый для развития сюжета и описания эмотивного события. Агентивные микротексты более характерны для художественных текстов. В них большое место принадлежит глагольным структурам, репрезентирующим различные действия [4, с. 99].

В результате проникающего изучения категории эмотивности выявлена зависимость лексико-грамматических средств репрезентации эмотивных ситуаций от типа эмотивной прагматической установки [4, с. 68]. При анализе прощального обращения президента Рейгана были выявлены эмотивные прагматические установки “проинформировать о своих чувствах”, “излить свои чувства”, “вызвать чувство”.

Л. В. Белякова на основе исследования разнообразных текстов, созданных Рейганом, выделила ключевые признаки стратегий, ис-

пользуемых президентом. К таковым относятся точность, простота, экономичность и красота [1, с. 102].

Под точностью Л. В. Белякова понимает соответствие означаемого означаемому и отсутствие в речи симулякров, определяемых как означающее без означаемого или с редуцированным, ущербным означающим [1, с. 102].

Простота представляет собой опосредованный бытийный дискурс, точнее, дискурс исторического придания, где развитие идеи является аналогическим (переносным или аллегорическим (символическим)) и осуществляется через повествование или описание [3, с. 7]. К отличительным признакам бытийного дискурса относится монологичность; неverifiedируемый, но и не могущий быть опровергнутым сюжет; не простое изложение фактов, а раскрытие своего внутреннего мира и внутреннего мира персонажей придания; ссылка на более широкий культурный контекст и опора на активную поддержку получателя речи [1, с. 102–103].

Экономичность представляет собой минимизацию избыточности и оптимизацию информативности языковых единиц. Полностью избавиться от избыточности невозможно, так как она придает речи помехоустойчивость [1, с. 103].

Признаками красивой речи являются: 1) нахождение информативности в пределах узнаваемого. Под информативностью языковой единицы понимается мера содержания данной единицы в конкретной реализации [2, с. 24]; 2) апелляция к вечным ценностям. Красота сама по себе вечна, это вечная ценность [1, с. 103].

Прощальное обращение президента Рейгана насыщено эмотивными микротекстами. Отличительными особенностями речи является то, что, во-первых, каждый последующий микротекст продолжает эмотивную тему предыдущего, а, во-вторых, в структуре речи отчетливо прослеживается чередование положи-

тельно- и отрицательно-кластерных микротекстов, контрастирующих друг с другом.

В приветствии интродуктивного блока содержится эмоцентрический микротекст с эмотивной прагматической установкой “проинформировать о своих чувствах”:

“It’s been the honor of my life to be your President. So many of you have written the past few weeks to say thanks, but I could say as much to you. Nancy and I are grateful for the opportunity you gave to serve”.

Этот относительно небольшой по объему микротекст поражает силой эмоций, выраженных просто: адресант использует эпитет *honor of my life* и эмотивное прилагательное *grateful*. Обращает внимание то, что президент в прощальном обращении, адресованном всей нации, не просто выражает свою личную/индивидуальную признательность, но упоминает имя своей супруги, при этом его собственное имя, заменяемое в речи личным местоимением первого лица стоит на втором месте. С одной стороны, это указывает на то, что президент и его семья не отделяют себя от всего американского народа, стремясь, наоборот, подчеркнуть близость к нему, с другой стороны, подобное упоминание первым лицом государства имени супруги можно рассматривать как одну из специфических черт англоязычных, в частности американских, обращений. В русской политической традиции такое упоминание вряд ли бы сочли уместным.

Эмоцентрический микротекст интродуктивного блока плавно перетекает в новый эмоцентрический микротекст с эмотивной прагматической установкой “излить свои чувства”, но эксплицируя новую эмотивную тему – тему грусти, тоски:

“One of the things about the Presidency is that you’re always somewhat apart. You spend a lot of time going by too fast in a car someone else is driving, and seeing the people through tinted glass – the parents holding up a child, and the wave you saw too late and couldn’t return. And so many times I wanted to stop and reach out from behind the glass, and connect. Well,

maybe I can do a little of that tonight. People ask how I feel about leaving. And the fact is, “parting is such sweet sorrow”. The sweet part is California and the ranch and freedom. The sorrow – the goodbyes, of course, and leaving this beautiful place”.

Этот эмотивный микротекст демонстрирует, насколько открыто говорит президент, он буквально распахнут, изливая эмоции и эксплицитно номинируя их: *sweet sorrow* – сладкая тоска – эмотивная тема этой части. Президент вновь обращает внимание на то, что он чувствует некоторую изолированность от окружающих его “one of the things about the presidency is that you’re always somewhat apart”, и это, безусловно, огорчает его. Об этом свидетельствуют описание поездки в машине и использование метафоры “*tinted glass*” – тонированное стекло, оно лишь один из способов обеспечения безопасности президента, однако в контексте речи тонированное стекло можно рассматривать как символ барьера между президентом и людьми. Несмотря на то что наличие этого барьера вынужденно необходимо, президент глубоко переживает его наличие, стремясь максимально использовать свою последнюю возможность лично обратиться ко всей нации в прощальной речи – это обращение транслировалось вживую по радио и телевидению непосредственно из Овального кабинета Белого дома.

Следующая часть речи – акциоцентрический эмотивный микротекст с эмотивной прагматической установкой “вызвать чувство”, значительно больший по объему, чем другие типы эмотивных микротекстов, так как в основе его лежит нарратив, некая история, для развития сюжета которой необходимо пространство:

“You know, down the hall and up the stairs from the office is the part of the White House where the President and his family live. There are a few favorite windows I have up there that I like to stand and look out of early in the morning. The view is over the grounds here to

the Washington Monument, and then the Mall and the Jefferson Memorial. But on mornings when the humidity is low, you can see past the Jefferson to the river, the Potomac, and the Virginia shore. Someone said that's the view Lincoln had when he saw the smoke rising from the Battle of Bull Run. I see more prosaic things: the grass on the banks, the morning traffic as people make their way to work, now and then a sailboat on the river.

I've been thinking a bit at that window. I've been reflecting on what the past 8 years have meant and mean. And the image that comes to mind like a refrain is a nautical one – a small story about a big ship, and a refugee, and a sailor. It was back in the early eighties, at the height of the boat people. And the sailor was hard at work on the carrier Midway, which was patrolling the South China Sea. The sailor, like most American servicemen, was young, smart, and fiercely observant. The crew spied on the horizon a leaky little boat. And crammed inside were refugees from Indochina hoping to get to America. The Midway sent a small launch to bring them to the ship and safety. As the refugees made their way through the choppy seas, one spied the sailor on deck, and stood up, and called out to him. He yelled, "Hello, American sailor. Hello, freedom man". A small moment with a big meaning, a moment the sailor, who wrote it in a letter, couldn't get out of his mind. And, when I saw it, neither could I. Because that's what it was to be an American in the 1980's. We stood, again, for freedom. I know we always have, but in the past few years the world again – and in a way, we ourselves – rediscovered it".

Данный микротекст, являясь частью прощального обращения, позволяет дальнейшее членение на составляющие его структурные части – введение, основную часть и заключение. Во введении президент подробно описывает вид из окон его апартаментов в Белом доме. Он перечисляет не только памятники архитектуры, национально значимые для каждого американца (the Washington Monument, the Mall, the Jefferson

Memorial), но и описывает, по его собственному выражению, более прозаичные предметы: траву на берегах реки, людей, спешащих на работу. Одновременно с описанием окружающих объектов президент Рейган упоминает имя одного из самых выдающихся политических лидеров Америки – Авраама Линкольна, тем самым подчеркивая свою преемственность, несмотря на оговорку о своем более прозаичном видении мира. Упоминание Белого дома – символа политической мощи Америки, значимых архитектурных памятников, реки Потомак, имени яркого президента XIX в., ставшего национальным героем, названия битвы гражданской войны – все это создает приподнятую торжественную атмосферу, подготавливая аудиторию к кульминационному моменту этого отрывка – описанию американской свободы.

Вторая часть данного акциоцентрического микротекста тесно связана с образами утлой лодочки и бурного моря. Это скромное суденышко, переполненное беженцами (crammed inside were refugees) и фактически обреченное на гибель, спасается кораблем американского флота, олицетворяемого молодым, сильным, умным и бдительным американским военнослужащим (young, smart and fiercely observant American sailor). Первая же фраза: "Hello, American sailor. Hello, freedom man", произнесенная спасенным индокитайским беженцем, потрясает молодого матроса, врежется в его память настолько, что он описывает все происшествие в своем письме самому президенту США. Здесь необходимо отметить, что эта история потрясает и президента Рейгана, так как понятие «свобода» – одно из ключевых в американской культуре. Американцы пытались создать именно страну свободных людей, произвести некий Новый Свет, кардинально отличающийся от Старого. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что концепт "свобода" в данном случае культурно специфичен и эмотивно значим. И президент, и простой мат-

рос одинаково затронуты историей с лодкой: матрос пишет об этом президенту, а президент в своем прощальном обращении рассказывает об этом всей нации. Таким образом, кульминационная часть данного эмотивного микротекста имеет очень высокую плотность эмоций: это и чувство удивления, и чувство гордости за страну.

Третья, заключительная часть данного микротекста подводит итог событиям, описываемым в предшествующих двух частях, – президент подчеркивает свое единение со всем американским народом, обращая внимание на то, что он, как и американский военнослужащий, не может забыть произошедшее. Президент использует личное местоимение второго лица множественного числа *we*, говоря о том, что он стоял за свободу вместе со всеми американцами, что позволило по-новому открыть Америку не только всему остальному миру, но и дало возможность самой Америке заново постичь себя.

Несмотря на то что в данном микротексте эмоции не называются, их легко реконструировать из сюжета нарратива. Этому способствует сам эмотивный фон микротекста: в первой части он возвышенный, во второй – героический, в третьей – гордый. Каузатором эмоций президента выступают не только третьи лица (американский матрос и индокитайский беженец), но и собственно хронотоп – подробно описывается море, погода, время. Важную роль играют детали: например, упоминание об утлости лодки беженцев, еще более контрастирующей с мощью американского флота.

Одной из обязательных тем прощальных обращений президентов является экономическое положение страны, стабильное или неудовлетворительное. Неудивительно, что эту тему затрагивает и президент Рейган. Эта часть речи также представляет собой большой по объему акциоцентрический эмотивный микротекст с эмотивной прагматической установкой “вызвать чувство”. Нарратив разделен на четыре абзаца:

“Something that happened to me a few years ago reflects some of this. It was back in 1981, and I was attending my first big economic summit, which was held that year in Canada. The meeting place rotates among the member countries. The opening meeting was a formal dinner for the heads of government of the seven industrialized nations. Now, I sat there like the new kid in school and listened, and it was all Francois this and Helmut that. They dropped titles and spoke to one another on a first-name basis. Well, at one point I sort of leaned in and said, “My name’s Ron”. Well, in that same year, we began the actions we felt would ignite an economic comeback – cut taxes and regulation, started to cut spending. And soon recovery began.

Two years later, another economic summit with pretty much the same cast. At the big opening meeting we all got together, and all of a sudden, just for a moment, I saw that everyone was just sitting there looking at me. And then one of them broke the silence. “Tell us about the America miracle,” he said.

Well, back in 1980, when I was running for President, it was all so different. Some pundits said our programs would result in catastrophe. Our views on foreign affairs would cause war. Our plans for the economy would cause inflation to soar and bring about economic collapse. I even remember one highly respected economist saying, back in 1982, that “The engines of economic growth have shut down here, and they’re likely to stay that way for years to come”. Well, he and the other opinion leaders were wrong. The fact is, what they called “radical” was really “right”. What they called “dangerous” was just “desperately needed”.

And in all of that time I won a nickname, “The Great Communicator”. But I never thought it was my style or the words I used that made a difference: it was the content. I wasn’t a great communicator, but I communicated great things, and they didn’t spring full bloom from my brow, they came from the heart of a great nation – from our experience, our wisdom, and our belief in the principles that have guided us for two centuries.

They called it the Reagan revolution. Well, I'll accept that, but for me it always seemed more like the great rediscovery, a rediscovery of our values and our common sense''.

В первом абзаце данного эмотивного микротекста президент подготавливает аудиторию к дальнейшему описанию событий, подробно описав свой первый большой экономический саммит. При этом президент Рейган не воспользовался специальной экономической и политической лексикой, понятной в основном лишь специалистам в этих областях. Вместо этого адресант излагает события, опираясь исключительно на нейтральную или даже разговорную лексику (*kid*). Эффект неформального общения усиливает то, как президент называет глав других государств: *all Francois this and Helmut that*. За этими неофициальными обращениями президента можно увидеть не просто стремление создать атмосферу непринужденности во время произнесения своего прощального обращения, но и увидеть его собственное позиционирование себя на мировой политической арене. Позиция президента Рейгана явно контрастирует с позициями других участников. Другие участники саммита (в нашей терминологии – третьи лица) выступают в данном эмотивном микротексте каузаторами эмоционального состояния президента, вызывая в нем в определенный момент чувство неуверенности или смущения, по его собственному признанию: *''Now, I sat there like a new kid in school and listened...''* Сравнение себя с новичком в школе, используя при этом разговорную лексику, делает чувства президента понятными и доступными очень широкому кругу лиц: не только взрослым, но и детям, которые автоматически включаются в аудиторию восприятия речи. Таким образом, роль президента, первого лица государства, представителя всего американского народа автоматически утрачивает свои ритуальные черты, а президент из лидера великой державы превращается в обычного человека, чьи чувства может

понять и разделить любой человек – даже школьник.

Во втором абзаце данного микротекста президент уточняет, насколько изменилась оценка его личности теми же участниками экономического саммита два года спустя. Об этом, помимо описания атмосферы за столом, свидетельствует фраза: *''Tell us about the American miracle''*. Данная часть эмотивного микротекста, произносимая в прощальном обращении и рассчитанная на самую широкую аудиторию, не может быть произнесена случайно. Президент, используя разговорную лексику, уже сократил дистанцию между собой и аудиторией, но он хочет не только поделиться своими чувствами, но и призвать адресата к сочувствию, сопереживанию.

Эту идею подтверждает следующий абзац, где президент описывает экономические трудности, с которыми ему пришлось столкнуться в самом начале своего президентского срока, и неблагоприятную оценку его экономических программ ведущими специалистами. Говоря об экономических программах и международной политике президент использует притяжательное местоимение первого лица множественного числа *our*, не отделяя себя от своей администрации и народа. Чтобы подчеркнуть чувство уверенности в правильности выбранного курса, в речи использовано противопоставление *radical vs. right* и *dangerous vs. desperately needed*. Как известно, любое противопоставление создает чувство напряженности.

Четвертый абзац данного акциоцентрического эмотивного микротекста является последним. В нем подводится итог всему сказанному выше. Уже первое предложение этого абзаца свидетельствует о победе президента и его политического курса. На международной арене президент Рейган получает имя *''The Great Communicator''*, которое сам он воспринимает как прозвище (*nickname*) и фактически отказывается от него, замечая, что успех общения не его личная заслуга. Секрет успеха заключен в содержании того, с

чем он обращался к своей нации, а содержание возникло из сердца великой нации (came from the heart of a great nation), опыта, мудрости и принципов, руководивших американцами на протяжении двух столетий. Перед лексемами *experience* и *wisdom* в обоих случаях употреблено притяжательное местоимение *our*, вновь подчеркивающее, что президент воспринимает себя как неотъемлемую часть своего народа. Образ американского народа в данном случае можно рассматривать и как каузатор, и как аккомпаниатор эмоционального состояния адресанта. Президента переполняет чувство гордости, которое он не сдерживает в себе, но разделяет с гражданами своей страны.

Заключительный блок прощального обращения представлен эмотивным акциоцентрическим микротекстом:

“And that’s about all I have to say tonight, except for one thing. The past few days when I’ve been at that window upstairs, I’ve thought a bit of the “shining city upon a hill”. The phrase comes from John Winthrop, who wrote it to describe the America he imagined. What he imagined was important because he was an early Pilgrim, an early freedom man. He journeyed here on what today we’d call a little wooden boat; and like the other Pilgrims, he was looking for a home that would be free.

I’ve spoken of the shining city all my political life, but I don’t know if I ever quite communicated what I saw when I said it. But in my mind it was a tall, proud city built on rocks stronger than oceans, wind-swept, God-blessed, and teeming with people of all kinds living in harmony and peace; a city with free ports that hummed with commerce and creativity. And if there had to be city walls, the walls had doors and the doors were open to anyone with the will and the heart to get here. That’s how I saw it, and see it still.

And how stands the city on this winter night? More prosperous, more secure, and happier than it was 8 years ago. But more than that: After 200 years, two centuries, she still stands strong and true on the granite ridge, and her

glow has held steady no matter what storm. And she’s still a beacon, still a magnet for all who must have freedom, for all the pilgrims from all the lost places who are hurtling through the darkness, toward home.

We’ve done our part. And as I walk off into the city streets, a final word to the men and women of the Reagan revolution, the men and women across America who for 8 years did the work that brought America back. My friends: We did it. We weren’t just marking time. We made a difference. We made the city stronger, we made the city freer, and we left her in good hands. All in all, not bad. Not bad at all.

And so, goodbye, God bless the United States of America”.

В данном акциоцентрическом микротексте, состоящем из пяти абзацев, реализована эмотивная прагматическая установка “вызвать чувство”. Для этого президент Рейган прибегает к нарративу, в котором последовательно развивает тему великолепия Америки и достижения американцев.

В первом абзаце со слов “And that’s all about...” и до слов “...was looking for a home that would be free” президент Рейган делает вступление, используя цитату Джона Винтропа, одного из первых иммигрантов. Цитата “shining city upon a hill” подразумевает Америку. Президент использует эмотив “freedom man”, подчеркивая один из основополагающих принципов американского общества – свободу.

Эмотивный микротекст во втором абзаце насыщен метафорами “shining city”, “it was a tall, proud city built on rocks stronger than oceans, wind-swept, God-blessed, and teeming with people of all kinds living in harmony and peace; a city with free ports that hummed with commerce and creativity”, “And if there had to be city walls, the walls had doors and the doors were open to anyone with the will and the heart to get there”. Таким образом, в этой части микротекста президент Рейган три раза сравнивает Америку с городом. Эпитеты “shining”,

“tall”, “proud”, “wind-swept”, “God-blessed”, “with free ports” придают речи неповторимую образность и экспрессивность. Величие Америки подчеркивается эмотивами “proud” и “free”. Таким образом, президент воздействует не только на воображение, но и на чувства адресата.

В третьем абзаце данного микротекста президент, используя прилагательные в сравнительной степени “more prosperous”, “more secure” и “happier”, указывает на положительные изменения в жизни американского общества. Эмотивы “happier”, “freedom”, метафоры “beacon”, “magnet” использованы для представления Америки как страны света и свободы.

В четвертой части этого микротекста президент подводит итог по проделанной работе по улучшению жизни в стране, непосредственно обращаясь к американцам: “We’ve done our part”, “My friends: We did it. We weren’t just marking time. We made a difference. We made the city stronger, we made the city freer, and we left her in good hands”. Непосредственность обращения к гражданам страны и использование обращения “my friends” сокращают дистанцию между президентом Рейганом как главой государства и американцами.

В заключительном предложении пятого абзаца этого микротекста президент Рейган в

словах краткой молитвы благословляет страну и ее граждан.

Таким образом, выразительно и образно раскрывая историю Америки, президенту удается вызвать у аудитории чувства национальной гордости и патриотизма.

Подводя итог анализу, приведенному выше, мы приходим к следующим выводам: 1) прощальное обращение президента Рейгана содержит большое количество эмотивных микротекстов разных типов: эмоцентрических и акциоцентрических; 2) наличие в одном обращении нескольких акциоцентрических микротекстов является особенностью индивидуального эмотивного стиля президента Рейгана; 3) наличие эмо- и акциоцентрических микротекстов с эмотивными прагматическими установками “проинформировать о своих чувствах”, “излить свои чувства” и “вызвать чувства” свидетельствует об активном воздействии, которое президент стремится оказать на чувства адресата; 4) использование эпитетов, большого количества метафор во всех частях обращения, экспликация эмотивной темы, отсутствие специальной лексики и преобладание нейтральной и разговорной лексики приводят к сближению социальной дистанции между президентом и аудиторией. В результате этого речь теряет свои ритуальные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белякова Л. В.* Ключевые признаки речевых стратегий Рональда Рейгана: функционально-прагматический аспект // *Современные гуманитарные исследования.* 2006. № 4. С. 102–106.
2. *Гальперин И. Р.* Информативность единиц языка: Пособие по курсу общего языкознания. М.: Высшая школа, 1974. 175 с.
3. *Карасик В. И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр.* Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
4. *Филимонова О. Е.* Язык эмоций в английском тексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 259 с.
5. *Rubel D.* Encyclopedia of the Presidents and their Times. New York: Scholastic Inc., 2001. 232 p.